

Юный герой одного кинофильма напечатал в школьном сочинении: «Хорошо, когда тебя понимают». Это очень много значит. Значит, «Ты», другие меня понимают. Ну, а сам ты готов понять другого человека? Товарищи своего? Соседа? Учитель? Маму с папой? Если каждый из нас будет стремиться понять, чем живут другие, что им нужно, как помочь им помочь, то, значит, все мы найдем друг у друга всегда больше понимания.

И думала об этом, когда работала над повестью «Чет и нечет». Это повесть о ребятах разных национальностей, живущих в поселке нахстанском поселке Сагат, Сюда, в Сагат, приезжают Маша и Вита Степановна. Пятиклассник Вита быстро находит себе приятеля — Самана Мазитова, которого в Сагате знают зовут Сашкой. Вита невольно растет и голова у него растет пышными, как варюными рыбами. Саман — человек совсем дру-

гой. В городе слышали бы — улитный мальчишка. Но в Сагате такое повидать нег. Скажем так: Саман — воинья птица. Со своим отцом он в пелладе. Вроде старое Мазитова не любит-ведь Сагат, но теперь он чувствует, что вот-вот все выплывет наружу. Надо бежать из Сагата!

...В это утро он еще в школе. А Вита еще ничего не знает.

И. СТРЕЛКОВА.

И. СТРЕЛКОВА

Он упустил время, когда мог незаметно уйти из школы. И вот подумал Саман, хотя и без книжек-тетрадок, сидит за своей партой в 5-м «Б» рядом с ничем не знающим Витой. Изучившись в основной школе Саман урелся и вздремнул за партой. Учителя, знающие его нрав, не спрашивали Мазитова, не сделали ему ни одного замечания: пришел, сидит — и на том спасибо!

Так прошли два урока, третьим была физкультура, но Васильев Петрович не пошел. 5-й «Б» в школе объявил классный час. Саман вздрогнул и проснулся: «Понался! И Витку не успел предупредить!»

Васильев Петрович отпустил в гимназии заодно двух дружок — Степанова и Мазитова. В который раз подумал: «Что у них обещано?» — и пристыжен к делу, выслушав заместить уроки физкультуры в классном кабинете. Искали того, кто накануне позор Доспесовой.

Саман всему 5-му «Б» — грешил в классе только учителя.

Заскучал Саман, пока учитель выговаривал классу, но слушал в оба уха. Он знал, Витка здорово развилась в задках по арифметике. А сейчас до Виты не скоро дойдет... Ну вот... Ну, наконец-то! Саман поворачивал на соседку по парте, увидел испуг на чистеньком лице с аккуратной светлой челочкой.

— Саман! Разве ты? Зачем что она тебе сделала? Еще никто из твоих друзей-соседей не тынул пальцем в Сашку Мазитова, а лучший друг Вита Степановна еще струнул в школу, когда увидела предательство Самана в спину Виткина сабельность, которую раньше столько раз прощал. Слой дряк Саман Мазитов, а сейчас Сусенин Предатель! — бросил Саман в чистенькое, испуганное лицо и пошел из класса.

Он уходил шумным коридором, но ушел тихим, с восторгом, но и не медля, как надеющийся на прощение. У дверей тети Дуся прегардился ему путь шаверой. Саман отшатнулся от инвентарного орудия тети Дуся — и вот он уже во дворе школы, видный из всех окон. Все сейчас видит, навсегда уходит из школы, пролетает школы самый неуловимый здесь ученик Сашка Мазитов.

— Саман! Погоди! — Вита бежал через двор, натягивая пальтишко.

Саман нагнулся, схватил с земли промерзлый томок: Ну! Ты! Сусенин! Не лезь! Прощу!

— Да ты что? — Не лезь! — Саман урвожале поднял руку с промерзшим кусочком комка и пошел. Сначала куда глаза глядят, подальше от посёлка, от школы. Потом соорудил пенным далеко не уйдешь, и попер-

нул на гудок поезда — к станции.

Оглянувшись, Саман увидел Вита упрямо идет за ним.

Вита откуда-то знает, теперь его дело идти за Сашкой, не отставать. Это значение открылось не работой Ума, а мальчишеским инстинктом.

Книжки и в практических вопросах неумеха. Вита не только пошел выслушать за Сашкой из класса, но и догадался слезнучь в мешалки у дверей своей пальтишко и шапку. Будто с самого начала знал, о чем дождит им предстоит тут.

— За семьюфром в километре от станции перекидал длинный товарный состав. Саман вырвал под платформу. Вита за ним, весь дрова от страха, что вот-вот поезд тронется. Но состав терпеливо стоял. Вынырнул по другую сторону, Вита увидел остро уходящий угол Сашки. Он тоже боялся, жалко, жалко выкрикивал: Саман! Погоди!

Чуть отогнувшись, она дверь одного из товарных вагонов. Саман подпрыгнула, ценко повис и пролетел, нулся в небо. Всюю на ноги и принале, во всех сил затворил щель. Но тяжёлая дверь не поддавалась.

Вита с первого раза сорвалась, но со второго подпрыгнул на руках и лёг животом на пазы, по которым ходят тяжёлые двери. Витины ноги болтались в воздухе, лицом он уткнулся в пол ва-

гона, замурованный чем-то самим. И тут состав двинулся, режился толпой строчку тяжёлого полотна двери. Саман еле успел схватить Витку за шиворот и втащить в вагон — дверь задулилась, и стало темно.

— Зли ты за мной угазали! — сказал Саман, — А далеко еду.

— Куда? — Во Владивосток! — с ходу придумал Саман.

— Далеко. Давай лучше слезем на следующую станцию.

— Ты слезай. А я не хочу!

Выбориться надо отсюда. — Витка брезгливо пофырчала, — тут химия навалто рассыпана. И вообще еще неизвестно, исплотит тебя из школы ни нет. Хочешь, я с мом отцом поговорю?

— А этого не хочешь? — Саман сплюнул, кузчи, повертел. Витка перел поном. — Сегодня ночью моего отца в тюрьму заорали. За что?

— За хорошие дела! — Саман подошел к двери, налег плечом. — Сейчас я тебе, Витка, открою. И катись отсюда на первой станции. Я тебе больше не друг. Сын вора! Поидай!

— Она посадили, а ты — в чем виноват? И как тебя знаю, Ты честный.

— Ничего ты не знаешь! — заорал Саман. — Я тоже вор! На базаре воровал? Воровал! Одеять

уврая? Уврая! Что? Испугался? Не бойся — у нас дома я ничего не взял. Хванти разговорить — толкай дверь!

— Вместе слезай! — упрямо повторил Вита. — Вместе!

Но сколько ни толкали — дверь не поддавалась. Поезд получил задёрыку ушу и всё дальше увозил их от Сагата.

— Сдохнем мы тут от дуста, как клопы! — сплюнул.

Нет, Самка, это не дуст. На доверения похоже. Ну, а всё-таки... Ты скажи, Зачем тебе понадобилось это детское мистиф? И вообще... «Ничего не понимает!» — горестно удивился Саман. — И откуда столько берется такие беспонятные люди!

II

Саман осторожно приподнял край матраца, огляделся. В купе было тихо. Он навалил подушку под макушку, чтобы не слышали.

— Саман осторожно приподнял край матраца, огляделся. В купе было тихо. Он навалил подушку под макушку, чтобы не слышали.

— Саман осторожно приподнял край матраца, огляделся. В купе было тихо. Он навалил подушку под макушку, чтобы не слышали.

III

У большничной проходной толкутся женщины с узелками, банками, бутылочками. Саман мимо них — в

дверь. Будто он спой, адепный. Вполне мог проскочить, но в последний момент цапнули за шиворот.

— Ступай, ступай. Сегодня день неприёмный.

— Женщины с узелками сочувственно отступили Самана:

— Кто у тебя в больнице?

— Ну, товарищ, — вместе буркнул Саман, — нехоти в школе улизни.

Легит в вагон отделение.

— А от куда знаю!

— Желтуха у него или дисентерия?

— Ничем от не болен. Здоровый.

— Так чего же ты прилеж слода? — придалась одна из теток, но думала не о Самане, а о своей. Но вать, ласково к себе пригнула:

— Ты, наверно, устал, проголодался. Я дочке передала несла, — не беруть Ты поел. Тетя не выстелила на скамеечке салфетку, бедне снега.

Саман вспомнил: в приёмнике говорили ребята насчёт людской жалости: «Видно, кто-то в вагоне срвнуз тебя поделал! Скажи: папка нас оросил, мамка замук тышла, а я к бабунине еду. Твоя и корингь скажут и от контролера спрячут». Не врали паташи и приёмнике — уже кормят Самана, пожелали. И ему тельку жидко. Дочке передала несла.

За такое тут надо бы стена повышиться. Трудно, что ли, взять у человека? Ведь не давай лёл Витку?

— Ты не давай с товарищем твоим — случится? — спрашивает тетка, сворачивая салфетку.

Саман уже прикинул: поближе к правде надо сказать.

— Отравился нечаянно. Надрылся. Порошком напим-то. Ядовитым.

— Так чего же ты слода пришел? С отравлением не в детскую возят. Погоди, я тебе на проздравление поеду, дождешь до конешной, там большничка номер один.

Табличка на заборе: «Большничка № 1». Проходная. Тетя толпится с узелками. Саман остерелся лезть в проходную — к теткам пристроился разузнать. Они его надежд не обманули. У них как раз беседа была. Саман остерелся чин из седьмой палаты. Там у одной из теток сын лежит, рыбой отравился. Так вот, в эту самую сельную палату, где лежат теткин сын, вверя пришла из вокзала мальчишка беспонятный. Лежит в себя не приходит, а кто закон и откуда не знает.

— Медичка бессильна, — тетки пригоронились, понимающе, — комрет, видно. И мать, бедняжка, зно не знает...

(Окончание следует)